

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Только твоя, любимый, только твоя... Глава 7: Заключительная

— Ну, да, постановка, — легко согласилась Марина. — Только знаешь, в каждой шутке есть доля шутки... и в каждой порнухе есть свой кусочек правды — причем, порой, довольно большой... и черный.

Подруги дружно захохотали.

За окном уже начинало светать...»

«Следующий день начался для Марины и ее подруги Юли, как и следовало ожидать, уже ближе к вечеру.

Вчерашний диалог дал о себе знать: обе девчонки проснулись в том удивительном состоянии, когда муть в голове от долгого дневного сна смешивается с мерцающим туманом сладкой неги, которым сопровождаются очень неприличные мыслишки.

Так, Юле всю ночь снилось, как она стонет под мускулистым чернокожим самцом, который сзади имеет ее в узенькую щелочку своим огромным хером. Движения бедер негра были ритмичными, сильными резкими. По коже цвета темного шоколада текли ручейки пота, влажным блеском придавая и без того выразительному рельефу упругих, напряженных мышц еще больший объем.

Каждый раз, входя до предела, негр скалился, обнажая крепкие белые зубы, и сильнее сжимал Юлины ягодицы своими громадными черными лапами. И Юля дико, словно бешеная, кричала от головокружительной смеси адской боли и фантастического наслаждения, содрогаясь в конвульсиях очередного оргазма, которым она потеряла счет.

По Юлиной киске то и дело шлепали здоровенные яйца негра. Девушка хоть и не видела тяжелого кожаного мешка — гладкого, без единого волосика, в дань эстетике девичьего сновидения — но зато отчетливо ощущала, его вес при каждой фрикции.

«Господи, сколько же там у него спермы? Я, наверно, от первой же струи залечу... Божечки, только бы он не кончил в меня!» — думала Юля во сне в те краткие мгновения, когда могла худо-бедно складывать в голове разлетевшиеся по закоулкам сознания обрывки мыслей.

Внезапно, Юля увидела своего парня.

Того самого, которому сотни раз признавалась в любви. Вместе с которым ей так нравилось засыпать и просыпаться. С которым она мечтала завести семью — и, конечно, дожить до глубокой старости, чтобы умереть в одно мгновение, поглаживая слабеющей ладонью его красивые, длинные пальцы.

Все эти романтические грезы остались в том, обманчиво-реальном, внешнем мире.

Сейчас Юлю беспощадно сношал здоровенный негр с огромным членом и яйцами, которые пришлось бы в пору породистому быку-производителю. А между ее покрасневшимся, искаженным гримасой болезненного удовольствия личиком и лицом ее любимого, словно из воздуха, возникла стеклянная стена. Юля не слышала, что кричал ей ее бедный мальчик, отчаянно колотя по прозрачной преграде. По его щекам текли слезы. Его губы, которые Юля так любила нежно целовать, сейчас скривились подобно греческой маске, выражающей невыносимую, бессильную досаду.

И тогда, глядя на своего несчастного мальчика, на своего любимого — и ощущая, как в ее пизденку нещадно терзает невероятных размеров черный хуй — Юля расплылась уже не в болезненной, но в блаженной улыбке.

Ее безумно заводило то, что ее парень, который столько сделал, чтобы быть вместе с нею, который всегда потакал ее капризам, в данный момент беспомощно бьется в прозрачное стекло, до крови разбивая кулаки о толстую стену и беззвучно крича.

И тут Юлю осенило: в этом мире, рожденном ее фантазией, ничто не помещает ей ощутить блаженство от непередаваемого ощущения, которое испытывает она, похотливая белая самочка, которую с яростным, животным напором имеет огромный чернокожий самец.

Ее возбуждало бессилие ее мальчика. И она не слышала не единого слова, не малейшего звука, который мог бы отвлечь ее от сексуального блаженства.

А вот ее парень слышал все...

— О, Боже! Да! Да! Даааааа! — закричала Юля, выгибаясь в новой волне захлестнувшего ее оргазма. — Да, вот так! Еби меня! Выеби меня, мой черненький! Трахай мою пизденку своим огромным черным хуем! Мой черный... мой большой... мой большой и черный негр! Я — твоя белая сучка! Я — твоя шлюшка, твоя вещь! Господи, какой же у тебя огромный хуй! Еби меня им! Вот так! Сильнее! Еще!! Еще!!!

Негр издал звериный рык — и, крепко ухватив девушку за бедра, легко, словно пушинку, поднял ее в воздух. Юля ощутила, как здоровенный член, до того, казалось, заполнивший всю ее, вонзился еще глубже в ее измученное, трепещущее лоно.

Теперь ее коленки упирались в мускулистые бедра чернокожего гиганта, а его непомерные ручищи сжимали ее груди, периодически выкручивая напряженные сосочки.

— Аааааааааа! — Юля заорала во всю мощь своих легких. — Мамочки! Как хорошо!

Она пыталась нащупать руками своего черного любовника, чтобы еще сильнее прижаться к нему, чтобы воедино слиться с ним в вечной пляске похоти и плоти.

А Юлин мальчик, такой маленький и такой жалкий, рухнул на колени, безвольно уронив подбородок себе на грудь.

Он ничего не мог сделать — с той стороны издевательски-прозрачной стены, не поддающейся его ударам и не пропускающей ни единого звука к его девочке, к его нежной, ласковой и трепетно любимой Юленьке, которая сейчас сходила с ума от наслаждения, содрогаясь на огромном, черном хуе.

— Любимый! — Юля окрикнула своего мальчика — и он тотчас поднял на нее свои мокрые и красные от жгучих слез, несчастные глаза.

Даже в этот момент она была прекрасна: светловолосая, с милым, озорным личиком и вечной, чуть наивной полуулыбкой на полных губках. Однажды ее даже фотографировали для какого-то календаря, должного продемонстрировать, подле месяцев и чисел, образцы подлинной, исконно славянской девичьей красоты. И хоть, к тому времени, Юля была уже давно не девочка, игривый блеск в голубых глазках, светло-русые волосы до плеч и точеная фигурка, обтянутая легким светлым платьицем, сделали свое дело.

И сейчас эту милую, русскую девочку по-звериному сношал огромный негр, до самого конца вводя в ее узенькую, бритую кисоньку свой здоровенный черный хер, по которому обильно стекали ее соки.

— Любимый! — вновь воскликнула Юля, сбивчиво дыша от мощных толчков своего черного ебыря. — Любимый, какой же у него огромный хуй! Куда больше чем у тебя! Как же мне хорошо, когда он ебет меня, милый... Как же глубоко он во мне! А ты видишь его яйца? Сколько же в них спермы... Представляешь, если этот черный зверь вздумает кончить в меня, любимый?

Ее мальчик вновь уперся ладонями в непроницаемое для его стенаний и мольбы стекло. Но услышал в ответ лишь:

— Боже, как же мне хорошо, родной! Как он меня ебет... Как он вставляет... Оооооо... — Юля вновь зашла в судорогах оргазма, а после с игривым огоньком в блестящих, влажных глазах посмотрела на своего бедного мальчика. — Ты ведь меня любишь, родной? Все равно любишь, больше всего на свете? Любишь свою девочку? Любишь свою малышку, которая кончает от здорового черного хуя?

Внезапно негр издал звериный вой — и ускорил темп, видимо, приближаясь к финалу.

— Оооооох! — теперь Юле уже почти не удавалось говорить нормально, уж больно яростным был напор ее чернокожего любовника.

Но она все равно выдыхала, выкрикивала, выдавливала из себя слова, ощущая бесконечное удовольствие, произнося каждое из них прямо в лицо своему беспомощному, беззащитному, такому жалкому ничтожному мальчику.

— Похоже... мой... зверь... скоро кончит... Слышишь... слышишь, как он рычит? — с трудом, произнесла Юля сквозь стон и сладостные вздохи. — И... он... он кончит... прямо... в меня... И я... я забеременею... от... от его спермы... Боже... Мамочки... Ты же... ты же меня... меня не бросишь... не бросишь меня, люби... люби... ох, бля... как же... классно... Будешь... нянчить че... черную ляльку... Будешь... будешь со... со мной до... до конца... Я... я рожу... рожу от него... рожу от него деток... Мно... ой, мама... много... много черных деток...

Негр перешел на низкий рык и стал буквально вколачивать свой хер в ее хлюпающую, истерзанную огромным, черным мужским достоинством, гладко выбритую щелочку. Его яйца разбухли до совершенно невероятных размеров, а член по крепости мало уступал здоровенной стальной дубине. — Да! — Юля истошно закричала. — Кончай в меня! Наполни меня своей спермой! Сделай так, чтобы я забеременела! Я хочу родить тебе детей! Хочу от тебя черных деток! Мой самец, мой черненький... мой любимый, кончи в меня! Вылей все! Я хочу от тебя забеременеть! Я хочу забеременеть от твоего огромного хуя! Я хочу забеременеть от твоей густой спермы! Я хочу от тебя детей!..

Юля рывком вывалилась из сна с криком «Я хочу от тебя детей!» на устах.

— Что, прямо сейчас? — насмешливо спросила Марина у подруги, выходя из душа обернутая полотенцем. — Может, сначала коляску купим? И распашонок с памперсами?

Юля тряхнула головой, непонятливо оглядела их комнату и, облегченно выдохнув, снова рухнула головой на подушку:

— Фуууух... Блин, приснится же такое...

Марина, тем временем, рылась в вещах, пытаясь найти фен. Неожиданно, ее полотенце спало, открыв миру взор на ее аккуратные, упругие грудки, попку и гладко выбритую киску.

— Твою ж... — Марина наклонилась, чтобы поднять свое разноцветное, махровое «прикрытие», отчего ее ягодицы предстали бы неожиданному визитеру в еще более выгодном свете — как и розовая щелочка.

В такие моменты люди очень часто недооценивают важность случая.

Нелепицы, курьезы и насквозь анекдотические ситуации происходят в нашей жизни не то, чтобы совсем уж редко. Просто, всякий раз случаясь, они приносят с собой, пускай не катастрофические, но вполне ощутимые перемены.

К примеру, ближе к вечеру, чья-то верная супруга застревает в лифте с примерным семьянином. Случился перепад напряжения, сбой древней техники, позабывшей о

регулярной службе, каверза какого-нибудь современно Герострата, решившего порадовать себя порчей проводки в многоквартирном доме — да что угодно случилось, чисто гипотетически способное заставить кабинку лифта встать посреди шахты.

Суть внезапного косяка не так уж важна — главное, что он таки случился. Именно случился — то бишь обрел реальные рост, вес, цвет, геометрическую форму, характерные запахи и уникальные обстоятельства — по воле случая, коего частенько, совершенно незаслуженно именуют «слепым».

Ибо слепота случая родственна той слепоте, которой обычно наделяют Фемиду. Как и в суде, в повседневности приговор выносится, совершенно независимо от желания «попавших по раздачу» граждан, совокупными стараниями многих сил, одни из которых честно благоволят избранникам случая, другие искренне играют против них, ну а третьим откровенно наплевать на исход событий — но, по иронии судьбы, именно им предстоит вынести финальный вердикт.

Как там говаривал Глеб Жеглов: «Наказаний без преступлений не бывает, Шарапов...»
Неизвестно, откуда Вайнеры взяли эту фразу, но ее фатальная безжалостность была, есть и будет актуальна во все времена.

Так вот, вечером чья-то благоверная супружница застревает в лифте с чьим-то, соответственно, примерным мужем. Вроде бы, ситуация — классика жанра. Вариантов развития события — как известной субстанции за обителью пара и веников: от банального, молчаливого сидения в ожидании спасения, с мыслями о своих волнующихся вторых половинках — до жаркого траха в лифте, без защиты, в результате которого жена беременеет, а новоиспеченный рогоносец, не снеся позора, достает из закровов дедовскую берданку и устраивает кровавый самосуд над всеми участниками измены, под занавес вышибая себе мозги подле трупов жены и ее любовника.

Жуть, мрак и ничего человеческого, одним словом...

А виною всему — случай. Могучий, ехидный, зубастый — любимый отпрыск всемогущей Судьбы, подсобляющий матери, когда в локальных, а когда и в самых, что ни на есть, глобальных ситуевинах.

Недооценивая волю случая, мы часто вовсе забываем о его существовании, флиртуя с жизнью, игриво фантазируя с коварной частицей «бы». Порой, именно эти две неразлучные буквы приманивают к нам оскалившийся в хищной ухмылке случай — и он создает нам такие условия, в которых наша размеренная жизнь резко меняет и темп, и направления — а подчас, и смысл...

Так и сейчас: Марина медленно наклонилась за упавшим с ее обнаженного, влажного тела полотенцем, краем сознания успев уловить шаловливую мыслишку — «А вдруг сейчас кто-нибудь войдет...»

И в тот же миг, входная дверь в комнату девочек распахнулась — и на пороге появился молодой человек.

Черноволосый, загорелый от южного солнца, ростом выше среднего, широкоплечий, одетый в свободные шорты и футболку, выполненные очень хорошим и явно недешевым портным в «курортном» стиле и цветовой гамме беззаботного растафарианства.

Несмотря на неплотно прилегающую к его телу одежду, под ней четко вырисовывались крупные мускулы, какие бывают не от ободренного анаболическими стероидами, культуристского фанатизма в зале, но от регулярных тренировок с весом собственного тела,

перемежаемых вдумчивой работой с отягощениями.

Из-под рукавов футболки к предплечьям спускались крупные, зеленоватые вены, которые, на пути к кистям, разветвлялись на множество веноч поменьше — и скрывались под толстым кожаным напульсником с металлическим значком каннабиса, на левой руке, и под черным ободком дорогого поблескивающих наручных часов — на правой.

Молодой человек удивленно замер, с интересом разглядывая прелести молодой девушки, которая, через пару секунд, запоздало сообразила, в какой ситуации она оказалась — и пронзительно ойкнув, стремительно юркнула под простынь на своей кровати.

Юля, еще толком не отойдя от головокружительного сновидения, даже не нашла, что сказать незнакомцу, в такой, мягко говоря, пикантной ситуации. Да и сама Марина, закутавшись по самые уши, как-то помедлила с подходящим обращением или пожеланием с указанием характерного направления и комментарием по поводу культурного уровня беспардонно вошедшего к ним незнакомца.

Повисшую было, неловкую тишину нарушил сам парень:

— Уж не меня ли вы ждете, милая девушка? — голос у парня был бархатный, низкий, обволакивающий, очень уверенный и сильный, с нотками бесшабашного, но беззлобного веселья. — Или все-таки сначала познакомимся?

Прозвучавшая реплика мало походила на извинение, а потому Юля, всегда остро реагирующая на малейшие проявления мужской наглости, стряхнула с себя последние крохи сна и, резко выбравшись из кровати, прикрикнула на парня:

— Тебя что, стучаться не учили, придурок?! — для внушительности, девушка уперла руки в бока. — Или ты к нам прямо из колхоза вперся?! В сарае родился, дверей не видел, а?! А знакомится ты на трассу пойдешь — там как раз твои подруги дядям голосуют! Пошел вон отсюда!

Парень слушал Юлю со спокойной усмешкой. В этот момент Марина обратила внимание на его глаза. Зеленовато-серые, безмятежные, с какой-то тлеющей искринкой на дне. Такие манящие — и в то же время какие-то опасные, лишенные огненной злобы или холода ненависти, но очень напоминающие ницшеанскую бездну, которая всегда, не мигая, смотрит в ответ.

А Юля сейчас напоминала растревоженную моську, которая с лаем носится вокруг спокойно стоящего слона — причем, не обычного флегматичного, темно-серого гиганта, а одного из тех, что, вопреки стихии, выжили в смертоубийственном переходе Ганнибала через Альпы.

— Успокойте нервы, девушка, от них красота портится, — с улыбкой произнес Юле молодой человек. — У вас ее, конечно, дофига и больше, но зачем же ее разбазаривать по таким мелочам? Да и с критикой моего воспитания вы погорячились. Я, между прочим, вполне культурно обратился — но не к вам, а к вашей подруге, которую застал в интересном виде. И если ее — теперь он перевел свой взгляд на Марину, у которой внизу живота что-то сладко зануло, — обидел мой невинный вопрос, я с превеликим удовольствием извинюсь. А вот вы — парень снова обратился к Юле, — только что оскорбили совершенно незнакомому вам человека, который просто ошибся дверью. Поэтому я, пожалуй, пойду, пока вы вновь не принялись бессмысленно расточать вашу красоту. Парень повернулся — и неторопливым, уверенным шагом направился в сторону двери.

— В следующий раз, стучитесь... — вполголоса произнесла Марина вслед парню, в противоречивой надежде, что эти слова не коснутся его слуха.

Но он все-таки услышал.

— Непременно, — чуть обернувшись, с обаятельной улыбкой, ответил незнакомец.

Когда за парнем захлопнулась дверь, Юля продолжила свой гневный спитч — на сей раз, высказывая претензии пустому пространству и Марине, которая плохо слушала подругу, вспоминая взгляд серо-зеленых глаз.

— Да и ты тоже хороша, Марин! — внезапно накинулась на нее Юля. — Нет бы, послать его, куда подальше — так она завернулась по уши и молчит, как засватанная! Он, между прочим, на твою задницу пялился и к твоей пизде в гости просился! А ты ему... — Юля скривилась и, подражая Марине, пропищала. — «Стучитесь... «! Ты бы еще ему номерок дала — а лучше на прощанье ротиком порадовала, чтобы к нам «народная тропа» не зарастала!

Марина слышала понукания подруги, даже как-то устало обижалась на них — но словно бы во сне. Весь окружающий мир сейчас перестал быть для нее чем-то значимым. Перед глазами стоял без спросу вошедший к ним парень — и, улыбаясь, смотрел на нее своим манящим и опасным взглядом.

Впервые, за несколько лет, Марина ощутила внутри что-то горячее, что-то, фантастически приятное, что-то важное и отчего-то ей очень-очень нужное.

После того унижительного расставания с бывшим, Марина решила, что больше никогда и ни в кого не влюбится. Мужчины нужны были ей как средство удовлетворения своих желаний — а в особых случаях, своих сокровенных фантазий и жажды сексуальной новизны. Даже имен своих любовников она старалась не запоминать — зачем?

Имя — это ведь уже почти знакомство, а знакомство — это, какое-никакое, а отношение. А с отношениями Марина решила завязать до той самой поры, пока ее биологический звоночек не заиграет переливистую мелодию «Пора рожать детей, родная! Тебе пора рожать!». Да и то — зачем роднится душами с подходящим самцом, который просто поделится с ней своим генетическим материалом?

Но сейчас Марина почувствовала, как, вопреки своим принципам, которыми он так гордилась, вопреки гордости и прагматизму — вопреки всем барьерам, препонам и фильтрам ее сознания...

Она влюбилась.

Влюбилась в парня, который просто увидел ее голой, случайно зайдя к ней в комнату.

— Юль... — Марина внезапно прервала сыплющую негодованиями подругу. — А как его зовут?

— ... в конец оху... — осеклась Юля. — Кого?

— Ну, парня, который к нам вошел?

— Да он не сказал... — удивленно произнесла Юля, глядя на Марину — и тут, начиная понимать, куда несутся флюиды, она хитро прищурилась и спросила:

— А с чего это ты спрашиваешь, подруга? Понравился, что ли?

Марина хотела было возразить, но что-то внутри мешало ей даже просто привычно соврать собственной подруге.

— Ну, точно, втюрилась! — Юля картинно сложила руки на груди. — Значит, вот как у тебя бывает, милая... Входит новый мальчик, видит твою попку — и ты уже готова ему лялек рожать и борщи наваривать! А я думала, у меня все в жизни через одно место случается... Скажи, по секрету: а с бывшим вы, часом, не в бане познакомились? Ну, или в раздевалке, на физре...

При упоминании о бывшем, томительная нега вмиг слетела с Марина — и ее место заняли раздражительность, вместе с проказливым ехидством. Юля не сказала, какого именно бывшего она имеет в виду, но Марина отчетливо поняла, что подруга говорит о том самом, ненавистном «экс-», который ни разу не всплывал у нее в голове за время чудесного, южного отдыха.

До этой самой секунды.

— Юлечка, давай ты помолчишь, — в голосе Марины послышались металлические нотки. — Ты уже много чего сказала — все, хватит. Я не хочу больше слушать про сегодняшний случай. А если тебе не терпится — можешь догнать нашего гостя — и высказать ему остатки своих матюков. Чтобы он тебя снова умело заткнул.

Юля поняла, что сболтнула лишнего — и мигом примолкла, под тяжелым взглядом своей подруги.

— Вот и хорошо, — Марина отбросила простынь, вновь обнажившись, встала, накинула легкий, коротенький халатик и вновь занялась поисками фена. — Кстати, Юль... А от кого это ты сегодня детей хотела?

— Да... от своего... — неуверенно произнесла Юля, вновь вспоминая свой жуткий и прекрасный сон.

— Да ну? — Марина отыскала-таки свой сиреневый фен. — А что ты так поникла? Или ты уже передумала? А может... — направившись в ванную, Марина замерла и озорно посмотрела на подругу. — Может, тебе кто-то другой приснился? Например... кто-нибудь большой и черный?

— Да ну тебя! — в момент зарделась Юля, уведя глаза в сторону.

Марина улыбнулась еще шире — и зашла в ванную. Но уже через минуту ее потревожили: в ванную залетела Юля со странным выражением лица — и, не говоря ни слова, потащила за собой — ко входной двери. Марина еле успела выключить фен и отбросить расческу, которая со звонким шлепком разлетелась о кафельный пол, свалившись с края раковины.

«Хорошо, хоть новенький фен уцелел...» — успела подумать Марина, с трудом успевая за внезапно прыткой подругой.

— Юль, ты что, совсем с ума со... — Марина осеклась на полуслове, увидев распахнутую в коридор гостиницы дверь.

На противоположной от их номера стене красовалась надпись, выполненная красивым, вычурным почерком в двух цветах — черном и зеленом. Откуда их неожиданный гость знал, что именно эти два цвета были у Марины любимыми, оставалось загадкой, но было очевидно, кому предназначалось это послание:

«Хочу увидеть тебя полностью...» — и небрежно размашистый, при этом очень аккуратный веселый смайлик в конце.

Под надписью имелись и цифры — номер гостя.

— Нет, ты подумай, какой гондо... — с прежним, показным негодованием протянула Юля, но оборвала себя, глядя, как Марина рванула обратно в комнату так, что аж задрался ее коротенький халатик, обнажив упругую попку.

Правда, секунд пять спустя она вернулась со своим телефоном и принялась спешно записывать оставленный парнем номер в соответствующее поле нового контакта...»

« — Тебя подруга долго отговаривала?

Они гуляли по вечернему пляжу. Под ногами, скрепя, перекаtywалась галька, над морем слышались редкие крики чаек, где-то рядом весело болтали отдыхающие, коротая в уютных

кафешках последние минуты неспешно догорающего заката.

Но ни резкие вопли в небе над водой, ни голоса людей, ни даже убаюкивающий шум так любимого Мариной моря, касаясь ее слуха, ничуть не задевали внимания, которое было целиком и полностью поглощено шедшим рядом молодым человеком.

Не важно, как его звали. Не потому, что она рассчитывала на очередную, ни к чему не обязывающую связь, а потому что ей совсем не хотелось называть его по имени — лишь «моим».

Не важно, откуда он приехал. Марине хватало лишь тяжелого осознания того, что совсем скоро им придется расстаться — ведь его отдых заканчивался уже на следующий день.

Не важно, где он учился, кем он работал, чего мечтал добиться в жизни — впервые, за несколько лет, Марину совершенно не заботили все эти подробности, о которых в первую очередь спрашивается у очередного кавалера здоровый, женский прагматизм.

Не то, чтобы ей было совершенно наплевать, «чьих будет» этот парень, случайно заставший ее обнаженной и непостижимым образом запавший ей в сердце и душу. Просто в данный момент эти подробности, прозвучавшие в первые минуты разговора, во время привычного «обмена любезностями», нисколько не интересовали Марину, сердце которой билось так часто, словно это свидание было для нее первым и последним в жизни.

— Что, прости? — Марина поняла, что вот уже минуту она просто идет рядом с ним и смотрит на него, не проронив ни слова после прозвучавшего вопроса.

— Ловишь нирвану? — он хитро улыбнулся. — Я спросил, тебя подруга долго отговаривала от встречи со мной? А то мне почему-то показалось, что я ей не особо приглянулся. Может, потому что ввалился без спросу в тот момент, когда ты решила изображала Шэрон Стоун? — В смысле?

Парень вновь улыбнулся, сверкнув озорным огоньком в глазах.

— Фильм «Основной инстинкт». Там главная героиня является на допрос без трусиков. Поначалу, она просто сидит и демонстрирует полицейским свои блестящие, скрещенные ножки.

— Блестящие? — нахмурилась Марина, ощутив, как в этот момент ее кольнула ревность — глупая, к экранной героине, но довольно ощутима.

— Сверкают, как фарфор. Наверно, их перед съемкой специальным гелем покрыли — и свет направили, как надо, — пояснил парень, с улыбкой отметив для себя, как насупилась девушка. — И вот, на одном из неудобных вопросов детектива, который ее дело ведет, она, не спеша, перекладывает ножки так, что, на пару секунд, всем на допросе видна ее... — он выдержал паузу. — Незакомплексованность.

Сердечко Марины забилося еще чаще. Раньше, когда парни — порой, весьма оригинально — выводили их разговор ближе к откровенным темам, она могла позволить себе разве что стыдливо покраснеть, ничуть, на самом деле, не смущаясь обсуждать интим с потенциальным ухажером.

«Зачем любить, зачем страдать, коль все пути ведут в кровать? Но прежде, чем завлечь в кровать, Уметь к ней нужно приглашать...» — иногда проговаривал про себя Марина не то кем-то, не то самостоятельно перефразированный стих Есенина.

В общем и целом, эти строчки, в достаточной мере, отражали ее подход к откровенным разговорам до момента близости: до того, как достать член и направить его, куда нужно (или, в отдельных случаях, куда хочется), хорошо бы девушку к нему подготовить.

Вообще, Марине нравились не только долгие прелюдии, но и постепенность в шагах, которые, в итоге, должны были к этой прелюдии привести. Разумеется, если мальчик слишком долго подводил ее к интиму, Марина смело давала ему от ворот поворот, но и торопыг она не жаловала. Лишь в исключительных случаях, когда от парня прямо-таки веяло желанием и чисто животной страстью, Марина могла значительно сократить «долгую дорогу в Дюны»...

Но чтобы так, при первом, трижды завуалированном намеке на близость начать волноваться, как неопытная целочка под хмельным, взрослым дядей, не сильно озабоченным безболезненностью дефлорации...

Такого, пожалуй, она не испытывала даже в свой реальный первый раз.

— Значит, в девушках тебя привлекает незакомплексованность? — спросила Марина, стараясь придать своему голосу максимум уверенности.

Парень остановился — и с той самой (проклятье!) обворожительной улыбкой, вновь проник ей в душу своим манящим и опасным взглядом.

— Меня привлекает девушка, — медленно произнес он, мягко коснувшись Марининой ладони. — Вся, целиком и полностью. Такая, какой я ее увидел. В особенности, конечно, если она стоит голенькой, эротично наклонившись за упавшим полотенцем...

Марина зарделась.

— Но вообще, раз уж спросила... — они продолжили идти по пляжу. — Я не очень верю в то, что в тот самый, первый момент можно хоть сколько-нибудь узнать человека. Нет, есть, конечно, чудо-физиогномисты, опытные мастера визуальной диагностики и прочие волшебные кудесники... да только вот что-то я сомневаюсь, что это возможно — вот так, сразу разглядеть хотя бы краешек внутреннего мира. Я сам, в свое время, этой психологической басней увлекался. Пока не понял: человек — это не деревянный чурбан, не застывшая скульптура. Человек — пластичен, неуловим, он постоянно в движении, постоянно меняется... слышала про айкидо?

— Ну, так... — неуверенно ответила Марина. — Это, вроде, борьба такая. своего летнего отдыха. А он слушал: яд уже начал свое действие, медленно выкручивая из Марининого «экс-» остатки внутреннего сопротивления перед умеренно-откровенным повествованием, обезоруживающим, возбуждающим ревность и болезненную похоть, щедро подпитываемую его личными комплексами и теми очагами душевной слабости, о которых Марина узнала за эти, как оказалось, не совсем бесполезные три года их дурацких «люблю-не люблю».

Девушка отчетливо вспомнила, как она стояла и смотрела на первые звезды, чувствуя себя вновь совершенно одинокой и брошенной на краю южного пляже, у самой кромки так ею любимого, но тогда совершенно бесполезного и бессмысленного моря.

Вспомнила. На пару секунд прикрыла свои зеленые глазки, отгоняя ненужные эмоции прошлого. И, вновь обезоруживающе улыбнувшись, продолжила свой рассказ, глядя прямо в глаза своему бывшему...

«Сильные и теплые ладони мягко легли Марине на голые плечи. Ее дыхание участилось, а сердечко вновь забилося, затрепетало, в ожидании чего-то... чего-то прекрасного... или ужасного.

Молодой человек развернул ее к себе — и она встретилась с его взглядом, который теперь почти гипнотизировал ее, не оставляя ей ни шанса на случайную мысль, лишнюю эмоцию и отвлеченное желание.

— Я не верю в любовь с первого взгляда, Мариночка... — медленно, потрясающе ласково, словно ребенку, произнес он своим низким, бархатным и безумно сексуальным голосом. — Но я верю в судьбу. В судьбу, которая свела нас вместе, звездочка моя.

По щеке Марина побежали слезы. Одним небесам ведомо, сколько противоположных, разрозненных, но одинаково сильных чувств смешались в этот миг в ее душе. Но с каждой слезинкой в ней оставалось все меньше сомнения, все меньше сожаления и страха. В эти мгновения она почувствовала себя самой счастливой, самой нужной и самой любимой...

— Почему ты плачешь? — впервые за все время, в голосе ее незваного гостя и неожиданного возлюбленного прозвучал волнение, а на красивом лице отразилась нешуточная тревога. — Я чем-то тебя обидел?

Вместо ответа, Марина обвила руками шею парня — и притянула его к себе, стараясь самой прижаться к нему всем телом. Поцелуй был долгим, поначалу нежным и осторожным. Но затем его крепкие ладони легли ей на бедра, заскользили ниже, по упругой попочке, подбираясь к самому краю коротенького подола, забрались под него...

Марина застонала, сквозь поцелуй, и запустила свой юркий язычок в рот своему возлюбленному. Их языки сплелись в шуточном противостоянии.

В это время руки парня нежно массировали ягодицы Марины, порой скользя по бедрам, в опасной близости от полоски трусиков. Его движения были неспешными, размеренными — но в то же время страстными. От его ладоней, губ, от каждого его прикосновения исходила сила, ни с чем не сравнимая сила и уверенность, которой обладают лишь редкие мужчины, способные подарить женщине величайшее наслаждение.

Неожиданно, одна из рука парня выбралась из под коротенького платяца и, медленно скользя вверх по обтянутым тонкой тканью, изгибам молодого тела, подобралась к Марининой груди. Пальцы возлюбленного охватили упругую плоть под платяшком, вызвав у девушки протяжный стон.

В это же время, пальцы другой руки парня, медленно отодвинув полоску трусиков, скользнули во влажное лоно Марины. Ее партнер медленно вводил один, два, а то и три пальца в текущую щелочку возбужденной до предела девушки, поглаживая там, внутри самые чувствительные места — и почти полностью вынимал уже обильно покрытые влагой пальцы.

Возлюбленные дразнил Марину, лаская ее гладко выбритую киску, массируя ее груди. Он понимал, что девушка находится уже на грани: она стонала, выгибалась навстречу трахающим ее пальцам, дрожала, словно сквозь ее тело, раз за разом проводили электрический разряд.

Неожиданно, парень стянул верх платья, обнажив груди Марины с затвердевшими сосочками. Он чуть отстранился, разорвав их страстный поцелуй и — лукаво поглядев на изнемогающую от желания девушку, припал ртом к ее груди.

Марина застонала — на сей раз гораздо громче, сильнее, почти срываясь на крик. Редко, кто из партнеров умел ласкать ее грудь — а те, кого природа не обошла таким талантом, обращались с ним крайне неучтиво, ограничивая себя лишь поцелуями и легкими, почти неощутимыми укусами.

В этом вопросе, Марина еще не встречала мужчин, которые могли бы хоть чуть-чуть приблизиться в этом умении к уровню ее бывшего, от ласк которого она, в свое время, мало не сходила с ума.

Но если «экс-» был способен медленно сопроводить Марину за грань рассудка, то ее новый возлюбленный каждым прикосновением куб, зубов и языка отправлял ее куда-то далеко, за известные ей самой пределы удовольствия — а после возвращал, чтобы вновь вознести ее еще более умелыми ласками к новым вершинам наслаждения.

Он покрывал каждый миллиметр ее груди обжигающе горячими поцелуями. Он проводил языком по самым чувствительным точкам, словно рисуя узоры на гладкой, влажной коже.

Он щекотал ее сосочки, описывал возле темноватых ореолов все сужающиеся кружочки — а после несильно сжимал из зубами и оттягивал, лаская при этом чувствительные, затвердевшие кончики.

Он постоянно помогал себе ладонью или просто пальца, ни на миг не оставляя без ласк ту сисечку, которой временно не доставалось его умелых ласк.

И при этом, он все наращивал темп пальцами там, внизу, постепенно подводя девушку к самому краю, к вершине удовольствия.

Марина чувствовала, что сходит с ума от удовольствия — удовольствия, которое она до этого ни разу, ни с кем не испытывала. В каждом мгновении своего движения, в каждой миллисекунде своих ласк — абсолютно во всем — ее новый возлюбленный был великолепен. Никакой спешки. Никаких неконтролируемых дерганий, никаких действий наугад. Словно он знал ее целую вечность, полностью изучив все ее реакции, каждую клеточку ее тела.

И вот, наконец...

Внутри взорвалась буря, разлетелся вдребезги пылающий смерч, долетая обжигающими искрами бешеного пламени до кончиков ногтей и волос, вспыхнули миллиарды огней, разрастаясь до размеров сверхновых звезд, взрываясь и порождая новый, сладостный, неповторимый, фантастический, неудержимый огонь экстаза.

«Это было нечто... — возникли вдруг в голове Марины слова Юли. — Нет, это было что-то, с чем-то...»

Внезапно, девушка поняла, что, впервые в жизни, она истошно кричала, выгибаясь в судорогах мощнейшего оргазма, ни сколечко не заботясь о том, услышат ее или нет.

В небе висел бледный, серебряный диск полной луны и мерцали далекие звезды. Их свет отражался от подернутой легкой рябью водной глади. Вокруг царил тишина — и лишь эхо истошного вопля страсти, отраженное прибрежными скалами, доживало в воздухе.

— Боже... боже мой... — Марина мелко подрагивала в объятиях своего возлюбленного. — Господи, как же... Как же хорошо... Мне... еще... никогда... Никогда не было... так хорошо... — Приму как комплимент, звездочка, — произнес парень, продолжая поглаживать грудь и бедра девушки.

Марина посмотрела на молодого человека — и они вновь слились в страстном поцелуе.

— Я люблю тебя... — прошептала она, на мгновение оторвавшись от губ возлюбленного. — Я знаю тебя всего один день... даже меньше... Но я безумно люблю тебя...

Ответь он ей то же самое, он наверняка бы испортил все — или почти все. Но он, тоже шепотом, произнес лишь:

— Я знаю, моя зеленоглазая девочка. Я знаю, моя звездочка...

Она почувствовала, как под шортами оживает и стремительно наливается кровью его член. Сперва, ей даже показалось, что у него уже стоит, но, когда, и без того внушительных размеров орган начал увеличиваться еще больше, Марина ощутила, как вновь неудержимо и сладостно заняло внизу ее живота.

Пара секунд — и каменно твердый член, пока что прикрытый одеждой, уткнулся ей в животик, до предела натянув тонкую ткань.

Ладонки Марины заскользили вниз по футболке парня, достигли края, приподнятого здоровенным членом парня, и стремительно сорвали с молодого человека «растаманскую» деталь его гардероба. Увидев обнаженное тело возлюбленного, озаренное светом полной луны, Марина не смогла сдержать шумный и страстный вздох.

Словно вытесанные из скалы, ровные бугры грудных мышц. Пресс, напоминающий уложенные в два вертикальных ряда камни здешней гальки, подобранные в идеально симметрии. Широкие, похожие на детали средневекового доспеха, плечи. Мускулистые руки, перевитые так возбуждающими Марину нитями вен.

Он казался ей сошедшим со страниц модных журналов, воспевающих красоту мужского тела. Словно его слепил хоть и недалевидный, но безумно талантливый Пигмалион, наконец-то понявший, что в пару к идеальной Галатее годится лишь точно такой же, совершенный мужчина.

Марина вновь провела своими ладошками по его, на сей раз обнаженному, восхитительному торсу — и нежно коснулась своими пухлыми губками его шеи.

Парень судорожно втянул воздух. Его член под шортами нетерпеливо дрогнул.

Марина улыбнулась — и медленно стала спускаться все ниже, покрывая поцелуями, лаская язычком, игриво покусывая зубками каждый сантиметр его тела. И вот, она опустилась на колени перед своим возлюбленным: головка огромного, каменно твердого члена, подрагивающая под тканью шорт, оказалась совсем рядом с пухлыми, влажными губками Марины.

Девушка лукаво улыбнулась — и посмотрела вверх, прямо в глаза изнемогающему от своих ощущений парню.

Раньше, когда она ласкала партнера ротиком, ей всегда становилось как-то неловко, если тот смотрел на нее во время процесса. Порой, она даже прерывала минет — и, неодобрительно глядя на млеющего паренька, просила его отвести взгляд.

Но сейчас, стоя на коленях перед полуобнаженным молодым человеком с великолепным телом, внушительный член которого покачивался у нее перед лицом, Марина совсем не испытывала дискомфорта от того, что на нее смотрят. Напротив, ей безумно хотелось, чтобы он видел все, до мельчайшей детали, не упустил ни единой мелочи ее ласк.

Не сводя глаз с партнера, Марина медленно прошлась сомкнутыми губками по прикрытому тонкой тканью члену. Парень тихо застонал. Марина довольно улыбнулась — и стала водить по мелко дрожащему от возбуждения органу своим юрким, влажным язычком, оставляя на шортах мокрый, витиеватый след. Дойдя до головки, Марина отстранилась от могучего органа — чтобы через мгновение обхватить его конец своими влажными, мягкими губками. Ее язычок порхал по вершине члена, даже сквозь ткань даря парню ни с чем не сравнимые ощущения и заставляя стонать от удовольствия.

Долго так продолжаться не могло...

— Возьми же его... — хриплым от неудержимого возбуждения голосом произнес парень.

— Что сделать? — хитро улыбнулась Марина, не прекращая ласк.

— Возьми... возьми у меня в ротик, родная... — парень уже еле сдерживал протяжные, низкие стоны. — Поласкай меня своими губками, звездочка моя...

— Не понимаю я вас, молодой человек... — в глазах Марины мелькнул похотливый огонек. —

Вы как-то плохо просите.

Тут парень, сквозь негу удовольствия, наконец осознал, чего хочет девушка.

— Отсоси у меня, — в голосе парня зазвучали нотки приказа. — Я хочу, чтобы ты взяла мой член в рот. Хочу, трахнуть тебя в твой милый ротик.

— О, даже так... — Марина ощутила то самое чувство, которое испытала в автобусе, когда ехала на этот курорт. — Хочешь, чтобы я поласкала тебя своим ротиком?

— Я хочу трахнуть тебя в рот, — уже дико заводясь, произнес парень.

— Хочешь трахнуть меня в рот? — повторила Марина добавив в голос максимум похоти. — Хочешь, чтобы я сняла с тебя шорты — и отсосала тебе? Хочешь иметь меня в ротик, хочешь ощущать, как мой язычок ласкает твой огромный член?

— Что? — парень на мгновение утратил нить игры.

— Твой член, — медленно, растягивая каждое слово, произнесла девушка. — У тебя очень большой член, любимый... У меня еще никого не было с таким большим... Даже и не знаю, смогу ли я взять его полностью...

В этот момент ловкие пальчики Марины зацепили край шорт — и стянули их с парня, выпустив на волю его налитый кровью, горячий орган. Марина ахнула.

Такие члены она видела только в порно — и то, далеко не все актеры могли похвастаться столь внушительным мужским достоинством.

— Боже... — шепотом произнесла Марина, проводя ладошкой по толстому стволу, покрытому множеством вен. — У тебя и впрямь огромный...

— Что, даже больше, чем у твоего парня? — неожиданно сказал молодой человек.

Вот этого Марина ожидала меньше всего.

Разумеется, мысли об измене — реальной или выдуманной — порой, сильно заводили ее. Иногда она специально представляла (не озвучивая, понятно, своих мыслей) во время секса с каким-нибудь парнем, что в это время где-то, у себя дома ее ждет взволнованный мальчик. Даже когда была совершенно свободна. Эти фантазии дарили ей особенное наслаждение, заставляя ощущать себя развратной, желанной — и вместе с тем, горячо любимой.

Но сейчас, стоя на коленях перед своим новым возлюбленным, Марина растерялась. Молодой человек сейчас озвучивал ей ее собственные фантазии, которыми она, ни за что на свете, не поделилась бы с ним, опасаясь, что он посчитает ее извращенкой.

Однако его взгляд, вновь превратившийся в манящую бездну, говорил совершенно иное.

Импульс острого, непередаваемого, особого возбуждения пробежал по телу Марины от головы до пят. Ее сердце заколотилось, а щелочка намокла еще сильнее.

«Значит, я действительно нравлюсь тебе... вот такой? — пронеслось в голове у Марины. — Развратной, любящей секс, любящей сосать член и глотать сперму? Любящей стонать под другим мужчиной, зная, что где-то сходит с ума мой собственный парень? Или, быть может, ты хочешь видеть меня такой? Впрочем, это неважно... Для тебя, любимый, я готова быть любой... даже шлюхой, которую имеют десятки парней... Я стану для тебя хоть пай-девочкой, любимый — хоть развращенной блядью...»

— Мой парень... — Марина, принимая новую игру, сменила блядский тон на невинный голосок девочки, которая впервые перешагнула черту верности. — Твой член куда больше, чем у него, мой хороший... Боже, я всего пару раз брала у своего парня в ротик... Я боюсь, ведь у тебя такой большой... намного больше его маленького, вялого членика... Ты ведь будешь со мной нежен, правда? Ты ведь не станешь жестко трахать меня в ротик? Не будешь держать

меня за волосы, насаживая мое личико на свой огромный хуй? Не заставишь облизывать твои большие, набухшие от спермы яички? И пожалуйста, не давай мне в ротик слишком глубоко, милый... У тебя ведь такой огромный — я могу задохнуться... И я точно захлебнусь твоей спермой, солнышко, если ты кончишь мне прямо в горло...

— О, Боже... — парень простонал, не в силах сдерживаться. — Звездочка моя...

— Хочешь, чтобы я тебе отсосала? Хочешь трахнуть меня в ротик, любимый, пока мой парень ждет меня дома? Хочешь кончить мне на личико, чтобы от меня пахло твоей спермой?

— О... Родная... Да, очень хочу... — взгляд возлюбленного Марины стал почти просящим.

— Ну, тогда...

Марина медленно обхватила своими пухленькими, влажными губками головку члена, вызвав у его обладателя сладострастный стон. Ее ладошка легла на подрагивающий ствол и стала скользить по нему, пока ее губки и язычок ласкали вершину члена.

Марина стремилась доставить своему возлюбленному как можно большее наслаждение — и, судя по его хриплым стонам, ей это очень неплохо удавалось. Парень не сводил глаз с красивой, зеленоглазой девочки, которая стояла перед ним на коленках и старательно отсасывала его член. В его жизни не раз встречались партнерши, умевшие и любившие оральный секс, но удовольствие, которое они доставляли ему своим минетом, даже близко не могло сравниться с тем, которым одаривала его Марина, ни на мгновение не прекращавшая ласкать его достоинство своим нежным ротиком.

Неожиданно, Марина отстранилась, вновь посмотрела ему в глаза умиленно-наивным взглядом совращенной девчонки, затем пробежала несколько раз своим юрким язычком по всей длине вожделенного органа — и стала ласкать внушительные, зудящие от переполняющей их спермы яички парня, поочередно вбирая в рот то одно, то другое из них. Пока ротик Марины был занят мошонкой парня, ее ладошки медленно, нежно надрачивали его ствол. Пальчики девушки пробежали от лобка до самой головки, задерживаясь у ее основания, массируя чувствительные точки вокруг крупной темно-багровой залупы.

— Милая... — чуть не задохнувшись от наслаждения, простонал парень — Я... я сейчас...

Марина оторвалась от яичек — и не слова не говоря погрузила дрожащий, раскаленный член себе в ротик, заглотив его почти наполовину. Послышался стон, больше похожий на рык — и на затылок Марине легла вторая ладонь парня.

«Ты ведь хотел трахнуть меня в ротик любимый, — подумала Марина, насаживаясь на здоровенный хер. — По-настоящему, жестко... Чтобы я задохнулась, чтобы я давилась спермой и слюнями... Ты ведь хотел этого. Так пусть это случится... пускай, хотя бы в этом ты будешь у меня первым...»

Это была ложь, конечно, но Марине очень хотелось поверить в этот самообман — и забыть, навсегда забыть, когда она смущенно, проклиная себя за уступчивость, разрешила ее бывшему оттрахать ее в ротик. Но тогда она ощущала себя просто беспомощной, безвольной куклой, оправдывая себя тем, что просто хотела сделать приятно любимому человеку.

Теперь же, стоя на коленках перед парнем и позволяя ему насаживать ее ротик на свой здоровенный член, входивший, порой, глубоко в ей в горло, Марина уже не ощущала себя бездушным манекеном для удовлетворения похоти. Напротив, она хотела прочувствовать каждый миг, каждую долю мимолетного мгновения, пока ее возлюбленный трахал, трахал и трахал ее, издавая почти животное рычание.

По подбородку и шее Марины текли слюни, перемешанные с его выделениями, Из ее горла

то и дело раздавался сдавленный крик. Порой, ей даже казалось, что она теряет сознание от нехватки воздуха — но все это приносило ей огромное удовольствие, сравнимое, наверно, лишь с ощущениями ее партнера, который, стал наращивать темп, видимо, приближаясь к финалу.

Внезапно, ручки Марины, которые она свела за спиной в тот момент, когда парень принялся долбить ее в горло, уперлись в бедра молодому человеку. Парень остановился и недоуменно посмотрел в глаза Марине, с трудом отходя от неконтролируемого, животного желания закачать всю свою сперму этой похотливой зеленоглазой девочке прямо в глотку.

Не выпуская члена изо рта, Марина смотрела на своего возлюбленного, пытаясь сфокусировать помутневший от жесткого, горлового отсоса взгляд. Ее пухленькие губки то сжимались, то разжимались вокруг толстого, дрожащего от возбуждения ствола — девушка пыталась отдышаться так, не теряя связи с вождленным членом.

Наконец, ей удалось прогнать из взора мутноватую пелену — и она смогла разглядеть — теперь уже не оставалось сомнений — своего любимого мужчину, руки которого крепко, но нежно держали ее светловолосую головку.

По напрягшимся мускулам текли капли пота, которые отражали лунное свечение и придавали прекрасному, рельефному телу молодого человека какое-то мистическое мерцание. Его вены вздулись — и на руках, и на подрагивающем во рту у Марины члене. Он тяжело дышал, в его глазах горел огонь — тот самый, который позволяет ищущей похоти самочке выбрать из сотен возбужденных самцов единственного, способного доставить ей наслаждение высшей пробы.

«Какой же он красивый... — мысли плыли в голове Марины, словно подхваченные невесть откуда взявшимся, печальным ночным бризом. — И он со мной... мы вместе — только мы, здесь и сейчас, на этом пустынном, ночном пляже... Но уже завтра он уедет. Мы расстанемся... чтобы, возможно, никогда уже не увидеться. У него будет своя жизнь... будет жена... будут дети... А у меня? Все продолжится, все пойдет дальше... но уже без него...»

Марина выпустила нестигаемо стоящий член изо рта, затем поднялась с колен — и, сделав пару шагов в сторону моря, стянула с себя коротенькое платье.

Луна осветила ее фигуру — плавное, стройное, юное тело, жаждущее ласк, жаждущее нежности и любви в самом древнем, природном ее смысле.

Молодой человек, изумленно наблюдающий за действиями девушки, буквально почувствовал желание, исходящее от этой молодой, красивой, фертильной самочки. Его член окреп ее сильнее, почти до боли. Яйца набухли, заставляя ощутить тяжесть и зуд семени, которое их распирало. По его мускулистому телу пробежала дрожь животного возбуждения, прогоняющая все другие мысли и желания, кроме, заполонившего все его существо, инстинктивного стремления совокупиться с девочкой, которая, обворожительно улыбаясь, манила, приглашала его к себе плавными движениями своего нежного пальчика.

Он отшвырнул шорты в сторону — куда-то, к отлетевшей ранее футболке. На ходу стряхнул легкие кроссовки.

Он шел к ней медленно, остро, по-звериному чуя, что она — его. Его самочка. Только его. Его член, выросший уже до совершенно невероятных размеров, покачивался при каждом шаге, роняя на гальку капли тягучей смазки.

Он видел, чувствовал ее возбуждение — как намокает ее киска, как твердеют ее сосочки, как часто-часто бьется ее сердечко.

Он подошел к ней, вплотную прижав к ее обнаженному животику свой горячий член. Их взгляды встретились — а чуть позже слились в страстном поцелуе и их губы.

Он медленно положил ее на гальку, которая казалась им обоим почти раскаленной — как и воздух, который, несмотря на дуновения ветра, словно бы наполнился огненным жаром.

Она прошептала: «Я хочу тебя, любимый... Войди в меня...».

Она не просила быть нежным, но он все равно вводил свой огромный член в ее узенькое, истекающее соками лоно, очень аккуратно. И даже так, в ее сладких столах, которые она издавала, закусив нижнюю губку, слышались нотки боли.

Еще ни разу в жизни Марина не ощущала такого наслаждения, такой потрясающей наполненности — казалось, огромный член заполнил ее всю, и стоит ему сделать еще хоть малейшее движение, он просто прорвет ее изнутри.

Но — вновь и вновь — что-то там, внутри девушки, расступалось на пути горячего, твердого органа, ничуть не повреждаясь, но при этом, конечно, даря Марине сладостную боль, пополам с невероятным удовольствием.

Мгновения потекли безумно медленно, словно весь мир остановился, позволяя двоим влюбленным полностью ощутить друг друга.

И наконец, член вошел в Марину до упора, заставив девушку, сорвавшись на крик, громко простонать в наполненный морем и страстью воздух — в полное звезд, озаренное таинственным серебром полной луны, иссиня-черное ночное небо.

— Как ты, звездочка моя? — нежно, чуть дрожащим, низким голосом спросил он.

— Хорошо... уже хорошо... — ответила ему она. — С тобой у меня, словно, снова все как в первый раз... только намного приятнее...

Он улыбнулся — и начал двигаться в ней. Сперва медленно, но потом он начал наращивать темп, в конце концов вгоняя свой член в ее, хлюпающую их перемешавшимися соками, бритую кисочку.

Марина стонала — а после и вовсе перешла на крик, задыхаясь от наслаждения, которое ей дарил каждый удар этого огромного, крепкого члена.

Ее ноготки впились ему в спину, оставляя на ней длинные багровые полосы. Он ревел, словно дикий зверь, совсем не ощущая боли — позабыв вообще про все, кроме стонущей самочки, содрогающейся от его мощных фрикций.

Он имел... трахал... он ебал ее, каждый раз все сильнее и сильнее вонзая ей в лоно свой огромный член, готовый каждую минуту взорваться струями спермы.

Но он держался: что-то внутри, отвратительно приличное и цивилизованное, каким-то непонятным образом державшееся против зова древних инстинктов, мешало ему позабыть о том, что на нем нет защиты.

Как-то раз, задолго до этой ночи, ему пришлось, в угоду дурацкому спору, возникшему по еще более идиотской причине, сдавать свою семенную жидкость в банк спермы. Тогда он совершенно не заботился обо всех этих интимных сторонах мужского здоровья, ни разу не сдавал специальные анализы: выросший без отца, он и сам как-то мало думал о собственном потомстве, считая вопрос продолжения рода делом дней сильно далекого будущего.

Но в тот раз ему почему-то стало очень важно, что скажет ему врач — немолодая уже тетка, получавшая явное удовольствие от волнения приходящий к ней в кабинет мужчин. И вот, просмотрев данные его анализов, она спросила его, с усмешкой:

— А девушка-то у тебя, рекордсмен, есть?

— Ну, да... есть, вроде... — неуверенно пробормотал он, перебрав в голове всех своих девчонок за последний, нескучный месяц. — А почему это я — рекордсмен?

— Да потому, что у тебя оттуда — она ткнула ручкой в область паха молодого человека, — мало, что не живая вода идет. Сперматозоидов не просто много, а очень много, защитные способности — высокие, скорость — мама не горюй... живучие они у тебя, парень. Так что ты со своими «вроде есть» лучше сразу хорошими презервативами закупайся. А то будешь по роддомам бегать — или в Мексике от молодых мамаш скрываться...

Слова циничной врачихи крепко впились ему в память — и отныне он, гордясь, конечно, своей «чемпионской», как он сам ее называл, плодовитостью, никогда не забывал о защите, даже если девушка сама, как это часто случалось, просила его не надевать презерватив «чтобы не портить ощущения от такого уникального прибора».

Вот и сейчас, на пляже, с фантастически красивой, по уши влюбленной в него, с первого взгляда, девочкой — он никак не мог отбросить в сторону свои опасения не только оставить Марине воспоминания о сказочной ночи, но и сделать ребенка.

Молодому человеку казалось, что его внутренние тревоги, усиливаясь с каждым мощным погружением его члена в лоно девушки, ею нисколько не ощущались. И он ошибался, разумеется, ибо в этот момент они стали единым целым — и даже блеклая тень случайной эмоции одного из них становилась для другого яркой, словно слепящий луч огромного прожектора, направленного прямо в лицо.

— Любимый... — с трудом произнося слова, Марина положила руки на плечи возлюбленному. — Любимый, что... что случилось... Что-то не так?

Парень остановился, кляня себя и борясь с неудержимым желанием просто продолжать бешено трахать эту великолепную девушку.

— Понимаешь... — хриплым голосом сказал он, глядя Марине прямо в глаза. — Я боюсь...

— Чего... чего ты боишься, любимый?

— Боюсь не сдержаться, звездочка моя.

К его удивлению, Марина лишь радостно улыbnулась — и притянула его к себе для страстного поцелуя. Не отрываясь от губ своего любимого, она начала двигаться навстречу его, замершему было члену.

— Мой любимый... любимый и глупый... — сквозь стон прошептала Марина. — Не бойся... Сегодня... здесь... со мной... Не бойся ничего... И не сдерживайся, родной мой...

Ее неудержимое желание передалось и ему — и парень, с новой силой, принялся вколачивать в пизденку Марину свой громадный член.

— Так... ты хочешь? — хрипло шептал он.

— Очень... очень хочу...

— Хочешь, чтобы я кончил?

— Да... О, да, любимый...

— Хочешь, чтобы я кончил в тебя?

— Да...

— Скажи это! — почти прорычал парень, ощущая, как возбуждение пронзает каждую клеточку его тела, словно по волшебству, передаваясь и ей.

— Кончи в меня! — закричала Марина так, словно хотела докричаться до звезд. — Наполни меня своей спермой! Хочу тебя! Хочу твою сперму!

— Хочешь от меня детей?!

— Ааааа! — Марина почти потеряла связь с реальность, стремительно летя в бездну сильнейшего и древнейшего из наслаждений. — Даааа! Сделай мне детей! Сделай меня беременной! Хочу от тебя деток, любимый! Кончай в меня! Я хочу родить от тебя много деток! Хочу быть только твоей, мой родной! Хочу рожать только от тебя! Ты — мой единственный! Я — только твоя, любимый!! Только твоя-а-а-а-а-а-а-а!!!

Он вошел в нее до предела — и начал кончать.

Марина почувствовала, как в ней взорвался — пусть это и вновь прозвучит бессмысленно! — огненный водопад, разлетаясь по всему телу искрами пламенных звезд.

Она ощутила, как внутри ей ударили мощные обжигающие струи мужского семени, заполняя ее до краев. Спермы было очень много — еще никто из партнеров Марины не кончал в нее так долго и так много. Огромный, раскаленный член внутри нее пульсировал, выбрасывая потоки семени, которое, совершенно точно, сделает ее беременной.

Беременной от парня, с которым она была сегодня первый — и, возможно, последний раз в своей жизни...»

— Так он... он что — кончил в тебя? — «экс-» сглотнул мерзкий комок, вставший посреди горла, с трудом смотря Марине в глаза.

Она мило и добро улыбнулась.

— Ну, что ты — нет, конечно, — она коснулась своими пальчиками его руки, заставив вздрогнуть. — Это был просто один раз. Глупый, лишенный смысла и всяких обязательств. И разумеется, он был в презервативе — я же совсем его не знаю.

— Зашибись... — бывший обиженно вздохнул, тщетно пытаясь побороть в себе постыдное возбуждение от рассказа Марины. — Офигительная история...

Марина придвинулась к парню вплотную, отчетливо касаясь его своей упругой грудью.

— Все хорошо, заюш, — Марина провела ладошкой по бедру своего бывшего, с радостью отметив, как встал его член. — Что было, то прошло — навсегда. И больше никогда не повторится. Нужно жить настоящим... И прямо сейчас я по-настоящему хочу, чтобы ты...

Оставшуюся часть фразы Марина прошептала уже на ухо бывшему, заставив его член окаменеть еще сильнее — а после, повалив свою уже не бывшую на кровать, избавить себя и ее от одежды и войти в нее, ощущая непреодолимое желание обладать этой девушкой.

Он ввел свой член в ее киску — и удивленно отметил про себя, что уже не ощущает той приятной, влажной тесноты, к которой он привык, находясь в ней. Марина же изобразила сладострастный стон, чтобы подбодрить замешкавшегося было бывшего.

«Давай, давай... — подумала про себя Марина, глядя на пыхтящего над нею бывшего. — Старайся. Бери меня, дорогой, обладай мной. Ведь, кроме тебя, солнце, никто и никогда не наполнял своей спермой мою щелочку... Прикольно, у меня даже фамилия подходящая... хотя, может это от слова «щёлочь». Ну да ладно, что то, что другое — все одно, химия, хи-хи... Кстати, о химии, надо бы, в ближайшее время, сходить к гинекологу, милый ты мой. А после ближайшей задержки радостно сообщить тебе, что ты сделал мне ребеночка. И никаких аборт, солнце... только бы ты кончил побыстрее, а то меня уже в сон тянет — вечер все-таки...»

Словно услышав пожелание Марины, ее бывший почувствовал, что вот-вот кончит — и задумал было вынуть свой член из девушки. Но Марина не позволила ему этого, крепко обхватив бедра парня своими ногами — и, со стоном, прижавшись обнаженной грудью к его туловищу.

Она почувствовала, как внутри нее из члена бывшего выстрелили горячие струйки. Марина позволила себе удовлетворенно выдохнуть, поглаживая своего бывшего по дрожащей спине — словно, в качестве поощрения за хорошо проделанную работу. А вернее — за правильно сыгранную роль в саркастичной, подленькой и не совсем чистенькой драме подлинного самоунижения...

Слив, со стоном, ей внутрь все, до капли, бывший, с блаженной — и как Марине сейчас показалось, глуповатой улыбкой произнес, переводя дыхание:

— Ты — моя. Только моя девочка.

Марина улыбнулась, с величайшим трудом подавив в себе злой, ехидный смешок.

— Ну, конечно, я — только твоя, любимый.

Только твоя